

Из истории тихвинских монастырей и храмов 1918 год: начало гонений на Церковь

ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО В №49.

10 июля 1918 года первая советская конституция своей 65-й статьей объявляла духовенство и монашествующих нетрудящимися элементами, лишенными избирательных прав. С этого момента все «служители религиозного культа», как их стали обозначать в официальных документах, стали испытывать всевозможные притеснения практически во всех сферах жизни. Их обложили усиленными налогами, в случае неуплаты которых они теряли все свое имущество. Причем прав лишили не только священно- и церковнослужителей, но и всех членов их семей, находящихся у них на иждивении. Возникали трудности с устройством на работу, с получением пособий по безработице и пенсий, с карточками на продукты питания, которых «лишенцам» иногда просто не выдавали. Дети духовенства были практически лишены возможности получать какое-либо образование выше начального.

В списках лишенных избирательных прав за разные годы числятся тихвинские священники Борисов Леонид Борисович, Великославинский Иван Павлович, Васильевский Николай Борисович, Войк Василий Васильевич, Стефановский Яков Прокофьевич и многие другие представители духовенства города и Тихвинского уезда, а также их жены и дети.

Несмотря на то что декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» уже вступил в силу, тихвинские священнослужители и верующие пытались как-то ему противостоять. Об этом свидетельствует заметка в местной газете «Наш край», которая называлась «Не могу молчать», и подписанная анонимным автором, настроенным против Церкви, под псевдонимом «Алчущий правды». Но благодаря ей мы узнаем, что 23 июля 1918 года в Тихвине проходило религиозное собрание. На нем принималось решение о необходимости написания со стороны верующих в адрес новой власти ходатайства об отмене декрета «о вынесении икон и картин божественного содержания из школ» и о том, чтобы «Закон Божий в школе был обязательным для всех». И хотя вся заметка об этом событии была написана в глумливом тоне, автор все-таки должен был признать, что ходатайство верующими написано «в духе батюшки».

Прошение написано, но, конечно же, не удовлетворено.

24 августа 1918 года Наркомюст утвердил «Инструкцию по проведению в жизнь декрета от 23 января 1918 года». Местные Советы рабочих и крестьянских депутатов должны были в двухмесячный срок со дня ее опубликования изъять у Церкви все имущество и денежные средства. Храмы и богослужебные предметы разрешалось выдавать в пользование «общинам верующих» по описи. Все остальное имущество, не предназначенное специально для богослужебных целей, отбиралось.

В этой инструкции говорилось о том, что в приходе ответственность за все возлагается на группу мирян численностью в 20 человек, которые стали называться «двадцатками». С такой «двадцаткой» как с общественной организацией заключался договор на аренду помещений и инвентаря.

«Двадцатки» также несли ответственность за любые действия священнослужителя. 8 сентября 1918 года новая настоятельница Введенского монастыря монахиня Иоанникия была возведена в сан игумении. Буквально на следующий день ей был сделан «подарок»: 8-9 сентября 20-30 человек солдат обокрали монастырский картофельный огород. А затем она была поставлена перед необходимостью выполнять последовавшие одно за другим предписания.

11 сентября от квартирного отдела пришла требование не занимать без его ведома комнат в освободившихся монастырских зданиях. 8 октября потребовались точные сведения о количестве и породах принадлежащих монастырю лошадей и рогатого скота с указанием числа дойных коров и о запасах для них корма. 10 октября пришла бумага из полка с предписанием немедленно отдать всех лошадей в количестве 8 штук в пользу угрозыска с припиской: «За неисполнение сего подвергнетесь строгой ответственности». С 11 октября предписали «отпускать в пользу больных города половину всего удоя». 19 октября подотдел питания запретил продажу капусты, картофеля и других овощей без его разрешения и просил сведения о количестве имеющихся продуктов и овощей. 21 октября приказали выслать 4 подводы военному комиссариату для перевозки артиллерийского имущества. 2 ноября потребовали составить сведения о призываемых в монастырском детском приюте. 5 ноября понадобились сведения о земле, занятой под

огороды, и площади посевов зерновых хлебов. 10 ноября подотдел питания потребовал 3 лошадей с шестью человеками рабочих для выгрузки сена для молочной фермы. 15 ноября нужно было предоставить сведения о расходах на содержание приюта (в приюте 40 детей). 16 ноября запросили список монахинь и лиц, проживающих в монастыре, с указанием их возраста и трудоспособности, список живого и мертвого инвентаря по всему хозяйству монастыря и количество земли по угодьям и в целом.

Примерно то же самое происходило и в Богородичном Успенском мужском монастыре. 23 сентября настоятель обители архимандрит Антоний пишет Новгородскому митрополиту Арсению (Стадницкому): «У Тихвинского Большого монастыря произведена реквизиция: картофеля, капусты, сена, соломы и др. Воспрещена продажа чего-либо излишнего. Братию ежедневно, когда 30, 20, 15, 10, 8, а когда и 5 человек вызывали мыть полы в казармах у солдат, рыть канавы, перевозить оружие, патроны и другие вещи. Требовали и лошадей с братией. ... лошадей требуют ежедневно. Как вздумает «товарищ» ехать – требует из монастыря лошадей, которых заездили ужасно, и они едва двигаются, а одна третьи сутки лежит. Дела в хозяйстве у монастыря остановились, хлеба остается немного, а подвоза нет...»

В южных братских кельях и Больничных кельях в 1918 году уже были устроены пошивочная мастерская и красноармейский госпиталь. Началось планомерное вытеснение монахов.

Не все монахи выдерживали такую голодную и полную лишений жизнь. Некоторые из них покинули монастырь. Одним из таких был сын священника Знаменской церкви Леонид Борисов. Ходили слухи, что и сам священник планирует снять сан и пойти черноработчиком на железную дорогу. Но, видимо, этого не случилось, так как Леонид Борисов оставался священником до февраля 1931 года, хотя уже и не в канонической, а в обновленческой церкви. А сын его новой властью был убит. «Расстрелян сын священника Знаменской церкви г. Тихвина», – такая информация появилась в №20 Новгородских епархиальных ведомостей за 1918 год. Его казнили за то, что он принимал участие в забастовке железнодорожников, стоящих на платформе собрания уполномоченных петроградских фабрик и заводов.

Эта забастовка состоялась на станции Тихвин 7 (20) июня 1918 года. Комиссар путей сообщения Северного района Заблоцкий тогда в срочном порядке обратился с воззванием к железнодорожникам, в котором указал, что забастовка такого крупного продовольственного узла, как Тихвин, тяжело отразится на деле продовольствия всей России, ибо через этот пункт следуют поезда на Мурманск, Москву и на чехословацкий фронт. Понятно, что участие в ней не могло остаться безнаказанным.

8 сентября 1918 года в тихвинской газете «Наш край» появилось сообщение следующего содержания: «Тихвинский Военно-революционный комитет доводит до сведения граждан города и уезда, что главные организаторы и руководители железнодорожной забастовки 20 (7) июня с. г. Лаурин Павел Антонович, Борисов Михаил Леонтьевич, Карпов Михаил Васильевич, Компус Александр Иванович и Смелков Александр Васильевич по постановлению Военно-революционного комитета 3 сентября 1918 г. на рассвете расстреляны».

Кроме этого, 38 забастовщиков были заключены в тюрьму в качестве заложников. Тихвинский Военно-революционный комитет предупреждал, что в случае возникновения какого-либо контрреволюционного выступления или единичного террора, направленного против «Вождя Революции и Советских де-

Успенский собор.

ятелей», заложников постигнет та же участь, как и первых.

Новая власть набирала силу. «Первую годовщину Октябрьской революции Тихвин отпраздновал старательно и даже эффектно. В важнейших пунктах города были построены триумфальные арки, разукрашенные и убранные хвоей. Всюду появились красные флаги. Было шествие организаций со знаменами и лозунгами... Выступали многочисленные ораторы. Сжигали на площади торжественно царские портреты, гербы и эмблемы старой власти, а также чучело, изображавшее Николая Второго». Менялись названия улиц: Екатерининская стала улицей Карла Маркса, Богородицкая и Павловская – Советской. Постепенно исчезли с карты города улицы, названные в честь религиозных праздников: Рождественская, Вознесенская, Преображенская, Знаменская. Зато появились улицы Красноармейская, Пролетарской диктатуры, МОПРа, Пионерская и другие. Главная площадь города, которая называлась до революции Каменной, была переименована в площадь Свободы.

Приближалось 4 декабря, праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы – престольный праздник Введенской обители. В этот день до революции в монастырь стекалось множество верующих жителей города и паломников из других мест, совершался крестный ход. Но теперь для его проведения требовалось разрешение от органов власти, которое нужно было получить заблаговременно, «не позднее, чем за два дня до публичного совершения религиозной церемонии». Для этого игуменья Иоанникия пришлось обратиться в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Тихвинском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с заявлением, где указать цель, место и время проведения торжественного церковного шествия. Накануне праздника, 3 декабря 1918 года, такое разрешение было получено, и крестный ход в праздник состоялся.

14 декабря и в Успенском, и во Введенском монастырях на основании ордера этой Чрезвычайной Комиссии были произведены обыски. «Нечего было взять», – записано по результатам обыска в женском монастыре.

В Успенском монастыре в келье настоятеля архимандрита Антония были изъяты различные финансовые документы, в том числе приходно-расходная книга за 1918 год;

в помещении казначея реквизировали хранящиеся там рис, сахар, крупу и мыло. Лишь некоторые монастырские документы и частную переписку обнаружил комиссар И. Федоров в келье наместника иеромонаха Клавдия (Воронина).

В этот же день во Введенской обители состоялись выборы «комитета монастыря от трудящегося населения монастыря в присутствии комиссии по отделению Церкви от государства тт. Попова, Васильева, Румянцева». В комитет были выбраны отнюдь не монахи, а пятеро мужчин, скорее всего, наемных работников монастыря. Их фамилии известны: Забелин, Морозов, Нажимов, Варварин и Васильев. Игуменье предписывалось немедленно сдать вновь избранному комитету все имущество и деньги монастыря. С этого момента комитет ведал всеми делами и распоряжениями монастыря, он же стал единственной властью монастыря и был ответственным за все происходящее в обители. Было объявлено, что за неисполнение распоряжений комитета обитатели монастыря будут привлекаться к ответственности.

С этого дня все здания монастыря и все находящееся в них имущество принадлежали местной власти, которая могла распоряжаться ими, как считала нужным. Храмы после инвентаризации и описи всего, что в них было, на основе временных договоров впоследствии были переданы религиозной общине.

Продлевать договор на очередной срок или нет, решал опять же Тихвинский исполком Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Все другие здания монастыря полностью переходили в муниципальную собственность.

В течение декабря все тихвинские обители лишились своего имущества. В своем рапорте от 22 декабря 1918 года архимандрит Антоний (Демьянский) писал, что монастырским рабочим комитетам было «передано все монастырское имущество и ризницы и прежним начальствующим в обителях запрещено вмешиваться в дела особыми распоряжениями комиссии. Положение насельников св. обителей и прежних начальствующих неопределенное и очень неясное...».

Таковыми нерадостными событиями завершался 1918 год. 1919 год принесет с собой новые проблемы. Но об этом – в следующем раз.

Светлана Старшинина.